

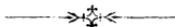
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

—
ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1910.

узнать о дѣлѣ непосредственно изъ его усть. И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Я лично не видѣлъ. Мнѣ разсказалъ католикъ Макарь, которому въ свое время разсказано было Нересомъ: «Во время русско-персидской войны Эчмιάдинскій соборъ долго служилъ въ качествѣ крѣпости. По этой причинѣ русскіе солдаты часто дни и ночи проводили на крышѣ храма, гдѣ отъ разводившагося ежедневно огня камни перекрытія большею частью обгорѣли. Порча камней отъ огня послужила причиною того, что дождевая вода, протекая въ храмъ, вызывала и поддерживала сырость. По этому я разобралъ всю крышу и заново отдѣлалъ. Во время этихъ реставраціонныхъ работъ я съ великимъ изумленіемъ увидѣлъ, что храмъ, до сихъ поръ считающійся нами крестообразнымъ, вначалѣ былъ четырехугольнымъ. Обнаружились очень ясные признаки того, что выступающія абсиды были прибавлены впоследствии. Части абсидъ, впоследствии присоединенныя къ стѣнѣ, были съ полыми мѣстами, въ одномъ изъ которыхъ найдены были посохъ изъ слоновой кости и нѣсколько другихъ церковныхъ предметов»“.

Т. Тораманьянъ.

Александрополь
23 января 1909 г.

По поводу работы архитектора Т. Тораманяна: „О древнѣйшихъ формахъ Эчмιάдинскаго храма“.

Въ 1864-мъ году архитекторъ профессоръ Гриммъ писалъ:

«Трудно допустить, чтобы церковь (Эчмιάдинъ) въ настоящемъ видѣ представляла въ точности формы и пропорціи древней постройки. Облѣдованіе стѣнъ, гдѣ глазъ можетъ еще выслѣдить линіи когда-то существовавшихъ фронтоновъ, а также различныя надписи, между прочимъ надписи на сѣверной стѣнѣ, подтверждаютъ наличие измѣненій, которымъ подвергали церковь въ различныя эпохи. Не смотря на это, четыре внутреннія стѣны должны происходить изъ IV-го вѣка»¹⁾.

За сямъ слѣдуетъ «краткая исторія памятника», но въ ней нѣтъ ни одной подробности, основанной на архитектурныхъ наблюденіяхъ, назначеніи какихъ-либо линій или на смыслѣ эпиграфическаго матеріала. «Краткая исторія памятника» и у архитектора проф. Гримма представляетъ сводъ свѣ-

1) *Monuments d'architecture en Géorgie et en Arménie*, St.-Petersbourg 1864, стр. 9.

дѣній армянскихъ историковъ изъ вторыхъ рукъ и съ искаженіями именъ¹⁾, именно легендарнаго разсказа о построеніи храма самимъ Григоріемъ Просвѣтителемъ и тощихъ по реаліямъ сообщеній, въ громадномъ большинствѣ безъ всякихъ архитектурныхъ деталей объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ различныя эпохи.

Насколько должны быть легендарны наши книжныя или такъ называемыя традиціонныя представленія о первопрестольномъ храмѣ, можно судить по тому, что до сихъ поръ въ точности не извѣстна не только древнѣйшая его форма, но и то, какъ первоначально называлась церковь.

Название Эчмиадзинъ вошло въ обиходъ и начало пріобрѣтать популярность лишь съ XV-го вѣка, послѣ того какъ армянскіе католикосы вернулись изъ Киликіи въ коренную Арменію и въ 1441-мъ году возобновили храмъ, лежавшій въ развалинахъ²⁾. Въ *Письмъ* Орбеляна объ этихъ развалинахъ употребляются средныя слова *Էջը Միածինն ժողովուրդի Երևան* «*Сожелъ Единородный* отъ Отца и съ Нимъ свѣтъ славы» и т. д. Одно время храмъ назывался «Шолакагъ», что значитъ *свѣтлоисточеніе*. Впослѣдствіи и довольно рано, до X-го еще вѣка, Шолакагъ обращается въ имя мученицы, сподвижницы св. Рипсиміи и ея подругъ. Но и какъ названіе храма, «Шолакагъ» — позднѣйшій терминъ, внесенный легендарною редакціею *Житія св. Григорія Просвѣтителя*. Такъ какъ легендарное *Житіе* популярность начинаетъ пріобрѣтать при господствѣ халкедонитовъ въ Арменіи, то и названіе «Шолакагъ» не должно быть древнѣе VII-го вѣка. Его мы находимъ между прочимъ въ *Исторіи св. Креста*

1) Достаточно указать, что описатель Эчмиадзина Шахатунянъ названъ «Շահկա-
thatof».

2) Мсеръ Мсеріанцъ, *Պատմութիւն կաթողիկոսաց Էջմիածնի*, Москва 1876, стр. 240—241, 248. Алишанъ приводитъ записи изъ середины XV-го вѣка (1443, 1447, 1464), въ которыхъ Эчмиадзинъ упоминается еще въ неразрывной связи съ Вагаршапатомъ (*Վարդապետ*, стр. 210, прим. 1), хотя въ это время Эчмиадзинъ въ качестве названія встрѣчается и самостоятельно, какъ въ одной записи 1444 года (п. м.). Епископъ Іусикъ предполагаетъ (*Հայրազնիական արժույթի մասին Համալուր տեսութիւն*, Вагаршапатъ 1904, стр. 10), что названіе «Эчмиадзинъ» существовало задолго до XV-го столѣтія — «съ незапамятныхъ временъ», «достигающихъ до X-го вѣка», такъ какъ терминъ армянскаго народнаго-моль происхождения и въ литературу проникаетъ лишь впослѣдствіи изъ народа! Н. Г. Адонцъ обратилъ мое вниманіе на утвержденіе Инджиджяна, *Ստորագրութիւն Հին Հայաստանեայց*, стр. 476, что Нерсесъ Благодатный, писатель XII в., употребляетъ названіе «Эчмиадзинъ» въ *Письмъ Едессы*, однако это — плодъ какого-то недоразумѣнія. Въ статье упоминаюгаго памятника объ Эчмиадзинскомъ храмѣ, по крайней мѣрѣ по печатному изданію (*Élégie sur la prise d'Édesse . . . publiée etc. par le D-r J. Zohrab*, Парижъ 1827, стр. 91 сл.), нѣтъ и признака знакомства съ терминомъ «Эчмиадзинъ», но есть стихъ (п. с., стр. 93), представляющей парафразъ названія «Шолакагъ»: *Յարուճ կաթեաց շոգն երկնային*.

Нины, армянскомъ памятникѣ, по всей вѣроятности, халкедонитскаго происхожденія¹⁾. Въ другомъ безусловно халкедонитскомъ произведеніи, сказаніи (X-го вѣка) грузинскаго католикоса Арсенія *О церковномъ раздѣленіи грузинъ и армянъ*, сообщается, что «Шолакатъ»омъ назвали или во всякомъ случаѣ звали святой Соборъ при настоятелѣ его Іоаннѣ, значить, около 618-го года²⁾. Очень жаль, что нельзя датировать памятникъ на армянскомъ языкѣ, именно «гаудз», церковное гѣснопѣніе, нѣкоего Атома въ честь Эчміадзинскаго храма, называемаго и здѣсь Шолакатомъ³⁾. Было бы интересно выяснитъ также, не связано ли появленіе этого поэтическаго произведенія съ какимъ либо моментомъ обновленія Эчміадзина. Во всякомъ случаѣ первое выгѣсненіе «Шолакатъ»а началось собственно въ VII-мъ же вѣкѣ, но не терминомъ «Эчміадзинъ», а названіемъ «Зовартунъ», т. е. *Бдѣщія силы* или *Ангелы*. Бдѣщія силы являлись также, какъ Эчміадзинъ, образнымъ выраженіемъ того же чудеснаго явленія св. Григорію, именно «шолакатъ»а или свѣтоисточенія, происходившаго въ присутствіи ангельскихъ силъ. Однако появленіе этого названія знаменуетъ выгѣсненіе не только названія «Шолакатъ», но и значенія самого зданія Эчміадзинскаго храма, такъ какъ оно появилось въ связи съ постройкою въ Арапарѣ (или Каіакудаштѣ) близъ Ваіаршаната католикосомъ Нерсесомъ извѣстнаго круглага храма Бдѣщихъ силъ.

Официальное умаленіе значенія произошло собственно въ 452-мъ году, когда, судя по традиціонному представленію, перенесенъ былъ католикосскій престолъ въ Двинъ, оставшійся здѣсь до перемѣщенія въ X-мъ вѣкѣ въ Ширакъ, именно въ Аргину и затѣмъ въ Ани. Мы ничего не знаемъ, что происходило со зданіемъ въ Эчміадзинѣ въ вѣкѣ Нерсеса, а также за долгій періодъ пребыванія армянскихъ католикосовъ сначала въ Двинѣ, затѣмъ въ Аргинѣ и Ани и наконецъ въ Киликіи.

Значеніе Эчміадзинскаго храма относится къ болѣе раннему времени. Но тогда, въ V-мъ вѣкѣ, какъ узнаемъ изъ одной древней схолии къ письму Лазаря Парбскаго, церковь называлась просто «святымъ Соборомъ»⁴⁾. Такъ обстояло дѣло, когда она передавалась на попеченіе Лазаря Парбскаго.

Для Эчміадзинскаго храма, по преданію посвященнаго Богородицѣ,

1) см. ниже, стр. 060. Въ списокѣ, которымъ пользовался Алишанъ (*Слрррр*, стр. 214), «Шолакатъ» замѣнено болѣе позднимъ Эчміадзиномъ.

2) Ө. Жорданія, *ქრონიკები*, I, стр. 329. Текстъ поврежденъ, но вычитываемый нами смыслъ дается безъ труда: *და რელიგიური კათოლიკე წმინდანის მამისადმი. შულაკათი [ა ნე ბულაკათი] უკანა ქობის კათოლიკეს*. Ниже опять появляется *შულაკათი* во фразѣ: *უწინაშე შულაკათის*.

3) Арапартъ, 1902 май-июнь, стр. 447—451.

4) *ჟორჯიანი წიგნი ზეგონი*, Тифлиზъ 1904, стр. 186.

и термину «каатоликэ» (архаичное чтение: католикей, в лат. транскрипции — kaθolikey) могло бы быть отказано въ правѣ быть первоначальнымъ названіемъ: терминъ этотъ въ качествѣ названія собора — греческаго происхожденія, тогда какъ первичный составъ христіанской терминологіи у армянъ сирійскій, но надо имѣть въ виду, что это греческое слово воспринято было въ формѣ и въ сирійскомъ, откуда оно также могло перейти къ армянамъ въ значеніи соборной, гср. каедральной или патріаршей церкви. Такимъ образомъ исторія названій, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга, съ своей стороны нисколько не противорѣчитъ мнѣнію, что Эчміадзинскій храмъ, дѣйствительно, можетъ восходить, если не къ самому началу засажденія христіанства въ Арменіи, то во всякомъ случаѣ къ половинѣ V-го вѣка.

Архитекторъ Тораманянъ выясняетъ хронологію крестообразныхъ храмовъ въ Арменіи. Крестообразныя и снаружи церкви, во его мнѣнію, называются какъ бы вылупившимися изъ четырехугольных въ VII-мъ вѣкѣ¹⁾.

Теорія г. Тораманяна находитъ поддержку въ рядѣ крестообразныхъ снаружи армянскихъ храмовъ, представляющихъ собою датированныя памятники VII-го вѣка, какъ то Аламъ, Багаранъ, Учкіялсэ (въ Турціи) и др.

Къ VII-му же вѣку относится древнѣйшая датированная грузинская церковь, именно церковь Креста на горѣ у Мцхеты. Архит. Тораманянъ предполагаетъ, что католикосъ Комитасъ, соорудивъ церковь св. Рипсиміи, имѣлъ въ виду увѣковѣчить въ основныхъ чертахъ традиціонный типъ, собственно внутренній распорядокъ первопрестольнаго храма.

Между тѣмъ грузинскій храмъ креста близъ Мцхеты повторяетъ церковь Рипсиміи²⁾. Не удержаны стѣны четырехугольника, но угловыя комнаты все еще сохранены. Другая грузинская церковь, Атенская, называемая Сіономъ, также служившая епископскою каедрою, еще ближе къ Рипсиміи³⁾:

1) Лѣтъ 16 тому назадъ я имѣлъ случай печатно высказать мнѣніе, едва-ли кому либо кромѣ меня известное, если не діаметрально противоположное, то во всякомъ случаѣ значительно отличающееся (Отчетъ Имп. Археол. комисіи за 1892, Спб. 1894, стр. 41—42). Изъ трехъ разновидностей церквей крестообразная тамъ признается древнѣйшею. Что «древнѣйшій типъ армянскихъ церквей имѣлъ форму креста, безъ пристроекъ въ углахъ», подтверждается у меня и наблюденіями 1893 года (Отчетъ Имп. Археол. комисіи, Спб. 1895, стр. 35). Дѣло будущаго, нужно ли отказаться инѣ отъ этого мнѣнія или есть возможность примирить мои наблюденія надъ армянскими храмами вообще съ детальнымъ архитектурнымъ надъ Эчміадзиномъ анализомъ такого основательнаго знатока армянскаго зодчества, какъ архитекторъ Тораманянъ.

2) Brosset, *Voyage archéologique en Transcaucasie*, Спб. 1851, Premier rapport, p. 47—50, Atlas, pl. II.

3) Графиня П. С. Уварова, Матеріалы по археологій Кавказа, IV, Москва 1894, стр. 148. Названіе Сіонъ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что въ цитованномъ выше «гавдзѣ» іѣцца Атома Эчміадзинскій храмъ нѣсколько разъ сравнивается и даже называется Сіономъ.

она между прочим воспроизводитъ въ точности угловыя ниши почти въ $\frac{2}{3}$ круга на соединеніяхъ полукруглыхъ крыльевъ. Но Атенская церковь, предполагается, X—XI вѣка¹⁾, и ея строятель [архитекторъ] армянинъ не то Погосъ, т. е. Павелъ, не то Тодосъ, т. е. Θεодосій, судя по армянской надписи на этомъ грузинскомъ храмѣ²⁾. Что же касается грузинскаго храма Креста близъ Мхеты, значительная его древность пока не подвергалась никѣмъ сомнѣнію. По датировкѣ Броссе, основанной на данныхъ грузинскихъ надписей, постройка его относится ко времени отъ 600-го года до 619-го. Начало постройки было положено еще раньше, именно между 575-мъ и 600-мъ³⁾. Строители, соорудивъ его, не могли имѣть въ виду церковь Рипсиміи, построенную католикосомъ Комитасомъ: армянскій католикосъ приступилъ къ постройкѣ Рипсиміи въ 619-мъ году⁴⁾. Значить, до этого года архитектурный типъ съ особенностями его былъ уже извѣстенъ ближе всего, надо думать, въ томъ же Валаршапатѣ. Художественные вкусы грузинъ и армянъ, какъ и многія ихъ религіозныя преданія и обычаи, проявляли средство столѣтія спустя послѣ церковнаго ихъ раздѣла. При постройкѣ храма Креста намѣчается, кромѣ того, лицо, которое могло повліять на выборъ образца. Это — іерархъ, игравшій первенствующую роль въ церковномъ разрывѣ армянъ и грузинъ, именно грузинскій католикосъ Киріонъ: до выбора въ католикосы Грузіи Киріонъ семь лѣтъ былъ настоятелемъ Эчмиадзинскаго собора.

Такимъ образомъ какъ архитектурные, такъ культурно-историческіе матеріалы сосѣдней съ сѣвера страны поддерживаютъ мысль г. Тораманяна, именно древность выясняемаго имъ архитектурнаго типа, осущест-

1) Бакрадзе подъ существующими фресками нашелъ фрески болѣе древнія съ надписью и указаніемъ на 825 г. (графъ П. С. Уварова, Матеріалы, IV, стр. 153, см. также Бакрадзе, *Кавказъ въ археологическомъ отношеніи*, Тифлисъ 1875, стр. 31—32). Въ примѣчаніи (9) къ *საქართველოს ისტორია* Вахушта (Тифлисъ 1885) на стр. 167 Бакрадзе высказался такъ: «роспись до XI-го вѣка, недавно открытая подъ сохранившимися фресками, и ея надпись насъ убѣдили въ томъ, что храмъ много древнѣе XI-го вѣка, хотя пока мы не можемъ сказать, къ какому въ точности столѣтію онъ долженъ принадлежать».

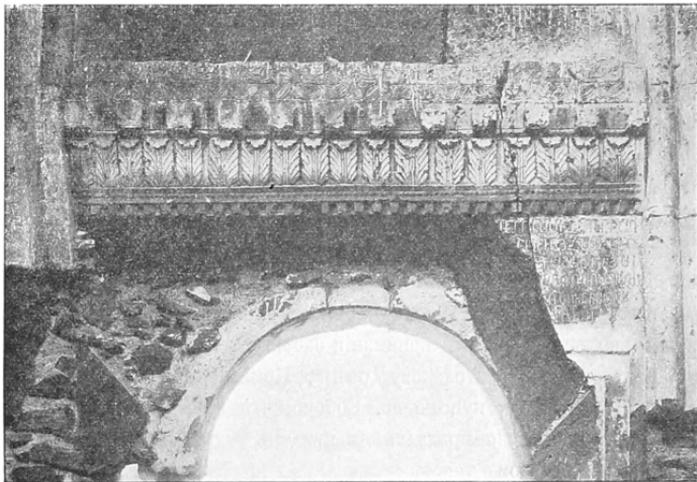
2) Графъ П. С. Уварова, Матеріалы, IV, стр. 152—153.

3) см. также А. Натроевъ, *Михетъ и ея соборъ*, Тифлисъ 1900, стр. 17—18: «Гурамъ куропалатъ Багратидъ (575—600) положилъ первое основаніе церкви Джварисъ-сакдари и усилъ поднять ее на высоту половины роста человѣка. Сынъ его и братъ мтаваря (патрика) Грузіи Степаносъ I (600—619) Дмитрій продолжалъ это дѣло. Преемникъ Степаноса I, убитаго въ битвѣ противъ Ираклія въ началѣ VII в., Адарнасе I, гипатосъ (619—639), докончилъ постройкою церковь. Сынъ же его мтаварь Степаносъ II (639—663) обнесъ ее оградой и обстроилъ царскими покоями».

4) Впрочемъ и вопросъ о годѣ постройки Рипсиміи въ точности подлежитъ пересмотру и во всякомъ случаѣ обоснованію. Сравнительно недавно открытая армянская надпись самого Комитаса о построеніи не содержитъ даты, см. архим. Гарегинъ Овсепянъ, *Арабатъ*, 1898 октябрь, стр. 442.

ствленного не только въ Эчміадзинскомъ соборѣ и Рипсиміи, но и въ одномъ изъ древнѣйшихъ грузинскихъ храмовъ, въ церкви Креста близъ Микеты въ Грузіи, первоначально жившей единой церковною жизнью съ Арменіею.

Еще важнѣе было бы къ датировкѣ выясняемой г. Тораманяномъ первоначальной формы Эчміадзинскаго собора подойти со стороны архитектурныхъ данныхъ южной сосѣдки, Сиріи, откуда пошла въ Арменіи народная христіанская церковь, вообще народная христіанская культура. Этотъ болѣе сложный вопросъ требуетъ предварительнаго знакомства со всѣми матеріалами, теперь съ появленіемъ Ереванской базилики особенно ярко

ХІ. Фронтонъ южной двери церкви Апостоловъ въ Ани.

выступившими, — матеріалами, документально свидѣтельствующими о вкладѣ сирійцевъ въ архаичное зодчество христіанской Арменіи.

Показательницею сѣдой древности Эчміадзинскаго собора является и форма оконъ, подковообразная, какъ въ западной стѣнѣ сѣверо-западной комнаты¹⁾. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ такого явленія, на основаніи фактическаго матеріала мы теперь можемъ счесть установленнымъ, что подковообразная форма въ армянской архитектурѣ исчезаетъ съ появленіемъ арабовъ, вообще съ мусульманскимъ вліяніемъ въ краѣ, что она — характерный признакъ армянскаго христіанскаго зодчества до арабовъ, быть можетъ, даже исключительно до конца VI-го вѣка, и эта форма смѣло могла быть использована при реконструкціи древнѣйшаго вида Эчміадзина.

1) см. Т. Тораманянъ, *О древнѣйшихъ формахъ Эчміадзинскаго храма*, рис. X.

Основная опора реконструкціи г. Торамаяна — церковь Апостоловъ въ Ани. Надо знать, какое представленіе имѣли мы раньше о планѣ этой церкви, чтобы оцѣнить по достоинству вкладъ архитектора Торамаяна. Для этого достаточно взглянуть на существовавшій до сихъ поръ планъ церкви Апостоловъ, напр. у Алишана ¹⁾. Частичныя раскопки, производившіяся для составленія плана г. Торамаяномъ, обнаружили еще въ 1906-мъ году рядъ интересныхъ надписей. Онѣ-то и установили между прочимъ, что церковь Апостоловъ въ Ани была кафедральною, архіепископскою въ XII—XIII вѣкахъ, а раньше при католикосахъ, надо думать, патриаршею, замѣстительницею древняго Эчмиадзина. О древности типа церкви Апостоловъ могутъ свидѣтельствовать и характерные орнаменты, такъ напр. аканты и ланцетки на фронтонахъ южной двери (рис. XI), пальметки на верхахъ полуколоннокъ, гранаты и грозди на кровлѣ, совершенно чуждыя эпохѣ расцвѣта анійскаго искусства.

Есть мѣста въ этюдѣ архитектора Торамаяна, которыя требуютъ, на мой взглядъ, оговорокъ. Я остановлюсь сейчасъ на трехъ пунктахъ.

Изъ нихъ одного коснусь лишь мимоходомъ, именно того, что обновительныя работы католикоса Комитаса архитекторъ Торамаянъ описываетъ по показаніямъ армянскихъ историковъ Себеоса и Иоанна безъ реального толкованія ихъ словъ, безъ рѣшенія вопросовъ, встающихъ передъ нами при архитектурно осмысленномъ пониманіи соответственныхъ армянскихъ текстовъ. Если слѣдовать католикосу Иоанну, Комитасъ, «разобравъ (բախտալ) перекрытый деревомъ куполъ св. Собора, что въ городѣ Ваайршапатѣ, строить его, прекрасно приладивъ и придавъ чудный видъ, изъ тесаныхъ камней» ²⁾. И при этомъ текстѣ возникаетъ вопросъ, могла ли не сказаться замѣна деревянныхъ частей купола каменными на состояніи стѣнъ храма и другихъ ближайшихъ опоръ купола, могла ли совершиться реставрація Комитаса безъ измѣненій въ нижнихъ частяхъ зданія? И не только этотъ вопросъ, но отрицательный на него отвѣтъ, именно невозможность замѣны деревяннаго верха каменнымъ, не трогая фундаментальныхъ стѣнъ храма, получаемъ въ болѣе древнемъ и въ болѣе надежномъ свидѣтельствѣ Себеоса, гласящемъ: Комитасъ «снялъ и деревянное перекрытіе св. Собора, обновилъ и шатокъ *фундаментальныхъ стѣнъ* (որմույն), построилъ каменное перекрытіе» ³⁾.

1) Շիրակ, стр. 61.

2) Моск. изд., стр. 43: Յետ որոյ սպա քակեալ սորա զգլխայարկ զմբէթ որոյ կաթուղի կէն, որ է վաղարշապատ քաղաքի շինել զնա գեղեցկայարմար եւ շքնադասեա կոփածոյ քարամբք.

3) Пет. изд., стр. 89: վերացոյց եւ զգլխայարկս որոյ կաթուղիկէն. նորոգեաց եւ զխառուս արմոյն, շինեաց զքարայարկսն.

Слѣдовательно, не куполь или его кровля, а перекрытіе всего храма было до Комитаса деревяннымъ, и замѣна его каменнымъ потребовала обновленія «шаткости» фундаментальныхъ стѣнъ, т. е. вѣроятно, ихъ соответственнаго утолщенія или укрѣпленія какимъ-либо инымъ приѣмомъ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ находится поразительно неравнобѣрная толщина стѣнъ, 0 м., 80 у восточной стѣны при толщинѣ въ 1 м., 15 у трехъ остальныхъ стѣнъ. Не мѣшаетъ замѣтить также, что налічный основной источникъ, именно Себеосъ, ничего не говоритъ о куполѣ, даже не упоминаетъ о немъ и съ точки зрѣнія филологическаго толкованія о существованіи тогда уже купола на Эчміадзинскомъ храмѣ можно говорить, лишь вкладывая въ слово *կաթողիկէ* *kaθolikeu* значеніе *храма съ куполомъ*, какъ, повидимому, поступилъ историкъ католикосъ Іоаннъ¹⁾.

Затѣмъ, церковь Апостоловъ въ Ани архитекторъ Тораманянъ считаетъ постройкою X-го вѣка, и это весьма вѣроятно. Но въ такомъ случаѣ можно ли утверждать, что эта анійская церковь была возведена по образцу Эчміадзина, у котораго, какъ доказываетъ самъ г. Тораманянъ, съ половины VII-го вѣка, со времени Нерсеса Строителя, имѣлись выступающія наружу абсиды, совершенно отсутствующія въ анійской церкви Апостоловъ? Это видимое противорѣчіе можно бы объяснить со стороны г. Тораманяна недосказанностью касательно того, что, говоря объ Эчміадзинскомъ храмѣ, какъ оригиналѣ анійскаго, онъ еще этимъ не предрѣшаетъ, пользовались ли строители церкви Апостоловъ въ Ани непосредственно Эчміадзиномъ въ качествѣ оригинала или какою-либо иною его копіею. Какъ и въ Ани, сооруженіе храма по типу первопрестольнаго Эчміадзина могло находиться въ связи съ пребываніемъ патриаршаго престола и въ другихъ мѣстахъ, такъ напр. въ Двинѣ, гдѣ армянскіе католикосы имѣли резиденцію вплоть до второй половины X-го вѣка. И анійскіе зодчіе, сооружая церковь Апостоловъ въ Ани въ X-мъ вѣкѣ по типу Эчміадзина, могли копировать непосредственно лишь двинскій патриаршій соборъ.

Однако пока не вижу фактовъ, вынуждающихъ идти на этотъ окольный, притомъ все же гадательный, путь. Не вижу пока основанія, чтобы перестройку Эчміадзина изъ первоначальнаго или болѣе древняго четырехугольника снаружи въ крестообразную форму съ наружными абсидами приписать Нерсесу Строителю, католикосу половины VII-го вѣка. Доводы архитектора Тораманяна въ этой части мнѣ кажутся не вполне убѣдительными.

Начну съ того, что время съ половины VII-го вѣка до начала XVII-го было бы трудно представить одною эпохою въ архитектурной жизни ар-

1) По-армянски *kaθolikeu* значитъ и *куполь*.

мянскаго храма и въ томъ случаѣ, если бы у насъ, дѣйствительно, не было никакихъ свидѣтельствъ о памятникѣ за этотъ долгій періодъ, почти въ цѣлое тысячелѣтіе.

Между тѣмъ хорошо извѣстно, что, когда армянскій католикосскій престолъ снова водворился въ Эчміадзинѣ, вернувшись изъ Киликія, то первопрестольный соборъ лежалъ въ развалинахъ. Это было въ XV-мъ вѣкѣ. Цѣлыя столѣтія длилось такое запустѣніе¹⁾. Въ исходѣ XIII-го вѣка развалины Эчміадзина нашли своего Іеремію въ лицѣ сювійскаго епископа Орбеляна, написавшаго въ стихахъ *Плмчъ* объ Эчміадзинѣ. И вотъ было бы особенно важно выяснитъ реставраціи указанной эпохи возрожденія Эчміадзина. Иначе мы рискуемъ архаизировать передѣлки этой поры.

Съ точностью неизвѣстно, къ какому моменту надо приурочить послѣднее разрушеніе Эчміадзинскаго собора, длившееся до этого возрожденія въ XV-мъ вѣкѣ. Можно только сказать, что этотъ моментъ, а, быть можетъ, моменты, т. е. неоднократное разрушеніе Эчміадзина надо искать во всякомъ случаѣ послѣ эпохи анійскихъ армянскихъ царей. Когда Ваіаршпатъ посѣтилъ послѣдній багратидскій царь Арменіи Гагикъ II, соборъ благополучно стоялъ въ цѣлости. Это было во второй четверти XI-го вѣка.

Но въ какомъ видѣ стоялъ тогда храмъ, кто къ тому времени возобновилъ его и когда? Дѣло въ томъ, что у насъ въ рукахъ легендарное армянское сказаніе *Исторія св. Креста Нины, просвѣтительницы Грузи*, съ болѣе любопытными реаліями, чѣмъ какія обыкновенно находимъ у историковъ. И вотъ здѣсь мы читаемъ, что мусульманскій завоеватель Субкія (*Шчрѣ*) подвергъ разгрому «святой соборъ въ Ваіаршпатѣ, называемый Шолакато́мъ»²⁾. Мхитаръ Айриванѣскій грабительскій набѣгъ Субкія приводитъ подъ 801-мъ годомъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ разгромѣ храмъ былъ не только ограбленъ, но и подвергнутъ разрушенію. Я уже не говорю о поврежденіяхъ, которыя могъ потерпѣть Эчміадзинскій соборъ при разгромѣ Арменіи Абул-хАджомъ въ X-мъ вѣкѣ: по словамъ армянскаго историка, Абул-хАджъ въ 431-мъ году, т. е. 982-мъ году по Р. Хр., «канатами стащилъ внизъ крестъ Спасителя, стоявшій на куполѣ св. Шолакато́а»³⁾.

1) Свидѣтельства какъ будто иного характера, приводимыя у Алишана (*Царствы*, стр. 214), состоянія храма отнюдь не касаются. Мѣстомъ богомолья служатъ часто развалины, какъ святилища, куда и могъ явиться на поклоненіе Мхитаръ Керманскій. Епископъ Гавріилъ могъ называться Эчміадзинскимъ, будучи представителемъ епархіи съ этою святиною.

2) см. выше, стр. 054, прим. 1.

3) Асогіикъ, Спб. изд., стр. 188—189.

Слѣдовательно, вотъ опять необходимость момента, если не моментовъ, возобновленія до XI-го вѣка, съ которымъ могутъ быть связаны интересующія насъ реставраціонныя работы, въ частности передѣлка четырехъугольнаго снаружи храма въ крестообразный.

Во всякомъ случаѣ менѣе всего эту передѣлку мы можемъ приписать Нерсесу, и вотъ почему —

1) какъ свидѣтельствуетъ и архитекторъ Тораманянъ, въ придаточныхъ пристройкахъ, приписываемыхъ имъ Нерсесу III-му, нѣтъ ни одной подробности, подтверждающей вкусъ католикоса, такъ блестяще проявленный въ другихъ его сооруженіяхъ, прежде всего въ храмѣ Бдящихъ силъ;

2) интересующая насъ капитальная передѣлка характеризуется не только появленіемъ наружныхъ выступающихъ абсидъ, но и смѣщеніемъ изъ центра ясно выраженаго простого креста съ полукруглыми крыльями, и трудно устраниеніе столь существенной части первоначальнаго внутренняго распорядка приписать тому Нерсесу, въ подлинной постройкѣ котораго, въ храмѣ Бдящихъ силъ, крестъ занимаетъ, быть можетъ, въ подраженіе Эчміадзинскому собору, именно центральную часть, развертываясь колоннадами въ видѣ полукруглыхъ крыльевъ¹⁾;

3) при такомъ отсутствіи какихъ-либо специальныхъ основаній въ архитектурныхъ данныхъ, прямо таки невозможно допустить производство столь коренныхъ перестроекъ Нерсесомъ лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ фундаментальной реставраціи католикоса Комитаса.

Болѣе того, въ дѣятельности Нерсеса приходится отмѣтить еще одинъ актъ, имѣющій прямое отношеніе къ судьбѣ Эчміадзинскаго собора, и этотъ актъ долженъ быть правильно и всесторонне освѣщенъ прежде, чѣмъ опредѣлять характеръ реставраціонныхъ работъ въ Эчміадзинскомъ храмѣ, прежде чѣмъ связывать ихъ съ именемъ католикоса Строителя. Нерсесъ, сооружая круглый храмъ Бдящихъ силъ около Ваіаршата, имѣлъ ввиду замѣнить имъ древнѣйшій соборъ: престижъ Эчміадзива, какъ патріаршей соборной церкви, былъ уже раньше утраченъ съ переселеніемъ католикосовъ въ Двинь. Теперь же дѣлалось покушеніе на умаленіе его славы, какъ національной святыни. На соперницу, новую церковь, постройку католикоса Нерсеса, переносились легендарныя сказанія, связанныя съ Эчміадзинскимъ соборомъ.

1) Арх. Месропъ, ц. с., табл. I. — Н. Марръ, *О раскопкахъ и работахъ въ Ани летомъ 1906 года*, Спб. 1907, стр. 13.

Быть может, кое-что из этих легенд относится ко времени послѣ сооружения круглаго храма въ VII-мъ вѣкѣ: современники Нерсеса или ближайшія поколѣнія такимъ путемъ могли укрѣплять связь постройки Нерсеса непосредственно съ моментами изъ жизни Григорія Просвѣтителя. Но самъ Нерсесъ Строитель, несомнѣнно, виновникъ такого приуроченія эчмиадзинскихъ легендъ къ его дѣтищу: храмъ былъ построенъ во имя Бдящихъ силъ или Ангеловъ, сопровождавшихъ извѣстное видѣніе св. Григорія, называемое Шолакагомъ, т. е. *Свѣтоисточникомъ*, или позднѣе Эчмиадзиномъ, т. е. *Нисхожденіемъ Единороднаго*. Слѣдовательно, храмъ Бдящихъ силъ, сооруженіе Нерсеса, предназначенъ былъ заступитъ мѣсто Эчмиадзина въ сказаніи о жизни св. Григорія въ качествѣ національной святыни.

Если же это такъ, или окажется такъ, то въ строительныхъ работахъ въ Эчмиадзинскомъ соборѣ Нерсесъ не могъ руководствоваться мыслью объ его украшеніи или улушеніи.

Историческая освѣдомленность г. Тораманяна, на мой взглядъ, нѣсколько устарѣлая. Традиціонные у армянъ термины и типы: «кружки Месропа», «Месропъ, изобрѣтатель армянскаго алфавита», мнѣ лично сами по себѣ ничего не говорятъ ни въ отношеніи времени, ни въ отношеніи характера ихъ реальнаго вклада въ армянскую христіанскую культуру. И хотѣлось бы думать, что я нахожусь не въ полномъ одиночествѣ при такомъ убѣжденіи. Сомнѣнія вызываетъ во мнѣ и истинный характеръ направленія того Лазаря Парбскаго, который былъ настоятелемъ Эчмиадзинскаго собора въ V-мъ вѣкѣ. Еще менѣе надежную историческую опору можетъ представить свидѣтельство легендарнаго *Житія Григорія Просвѣтителя* объ армянскомъ царѣ Тирдатѣ для объясненія его пристрастія къ римскимъ формамъ. Но это чисто историческое толкованіе отнюдь не затрогиваетъ существа дѣла, какъ то устанавливается архитекторомъ Тораманяномъ. Если наличіе «римскихъ» чертъ въ формахъ Эчмиадзинскаго собора, дѣйствительно, получить всеобщее признаніе, станетъ безспорнымъ фактомъ, нѣтъ никакой надобности останавливаться для объясненія его на сказочныхъ дѣяніяхъ Тирдата или на традиціонномъ, я бы сказалъ, легендарномъ грекофильствѣ армянъ V-го вѣка.

Римскія формы могли вноситься въ Армению и архитектурнымъ влияніемъ, шедшимъ изъ Сиріи вмѣстѣ съ христіанскою культурою. Специально же въ Ваяршапатѣ, да и далеко вокругъ него, съ начала IV-го по VI-й вѣкъ римскія формы могли быть использованы армянскими зодчими подъ влияніемъ окружавшихъ ихъ живыхъ архитектурныхъ пейзажей, развалинъ, дѣйствительно, римскихъ построекъ, о которыхъ могутъ

свидѣтельствовать наличные и сейчасъ фрагменты такъ называемаго дворца въ Гарни и о которыхъ такъ ярко и такъ кстати напомнила недавно найденная латинская надпись въ мастерской обработкѣ проф. М. И. Ростовцева, посвятившаго ей докладъ въ декабрьскомъ засѣданіи Классическаго отдѣленія Импер. Русск. Археологическаго общества. Надо только не спѣшить обобщеніями и не медлить организаціею систематической работы надъ обнаруженіемъ и изученіемъ обломковъ памятниковъ въ нынѣшнемъ Вааршапатѣ и въ его окрестностяхъ. Никто меня не заподозритъ въ желаніи умалить цѣнность армянской исторической литературы или пероцѣнить значеніе памятниковъ армянскаго искусства, но въ нашей области при господствующихъ нынѣ взглядахъ послѣ памятниковъ языка, историческаго изслѣдованія армянской рѣчи, литературной и народной, я больше всего жду здороваго свѣта отъ языка памятниковъ архитектуры, когда мы научимся понимать его. Въ г. Торамалянѣ я вижу перваго учителя этого языка. Кстати, и историкамъ искусства, если не ошибаюсь, слѣдуетъ искать опоры не только въ мѣстныхъ матеріалахъ, при томъ, конечно, не случайныхъ или одностороннихъ, но и въ освѣщеніи, вытекающемъ изъ внутренняго ихъ свѣта, чтобы не уподобиться лингвистамъ, соорудившимъ, казалось, стройное и прочное, на дѣлѣ же однобокое и шаткое теоретическое построеніе объ армянскомъ языкѣ, не давъ себѣ труда предварительно изучить самый этотъ языкъ. И мнѣ кажется, что работа архитектора Торамаляна, ищущая опоры прежде всего во взаимоотношеніяхъ дѣйствительно связанныхъ генетически другъ съ другомъ мѣстныхъ памятниковъ и мѣстныхъ матеріаловъ, при всей ея кажущейся смѣлости, а, пожалуй, всилу этой именно смѣлости, является цѣннымъ и плодотворно возбуждающимъ опытомъ въ этомъ направленіи. Пока что, ввиду чрезвычайнаго значенія, устанавливаемаго этимъ серьезнымъ опытомъ за церковью Апостоловъ въ Ани, на насъ ложится долгъ выдвинуть на первый планъ въ предстоящую анійскую кампанію полныя ея раскопки.

Н. Марръ.